

Нагорнова Екатерина Валерьевна

ГОТИЧЕСКИЙ ВКУС И ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ В ГОРОДСКИХ ПЕЙЗАЖАХ "ПУТЕВЫХ ПИСЕМ" М. МОНТЭГЮ

Статья раскрывает новое художественное видение времени в пейзажах "Путевых писем" Мэри Монтегю. В них категория времени связана со всеми изображаемыми объектами, в том числе руинами. Готическое искусство перестали оценивать мерками греческого искусства, открыв в первом свои преимущества и ценности. Наиболее очевидно движение времени в городских пейзажах, где Монтегю находит зримое движение исторического времени, неотрывное от природы и объектов, созданных человеком.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 42-44. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

8. **Тобуроков Н. Н. и др.** История якутской литературы (середина XIX – начало XX века). Якутск: Якутский научный центр СО РАН, 1993. 196 с.
9. **Топанов А. М.** Алаахтыртхан Хорхло // Красная степь: рассказы, стихи, пьесы на хакасском яз. Абакан, 1982. С. 105-167.
10. **Трояков П. А.** Истоки и формы чудесного вымысла (на материалах волшебных сказок хакасов и других народов Сибири). Абакан, 1991. 385 с.
11. **Чапрай А.** Абахай Пахта: пьеса на хакасском яз. Абакан, 2012. 46 с.
12. **Эргис Г. У.** Очерки по якутскому фольклору. Якутск: Бичик, 2008. 400 с.
13. **Көк-оол.** Хайҕаан пот / Sii nomu. Pir tugaar tepter (Сб. пьес). Къзыл: Cogaal komitedi, 1937. 66 с.

**THE SPECIFICITY OF LITERARY REPRESENTATION OF THE ELEMENTS OF ETHNOGRAPHY
AND FOLKLORE IN THE DRAMATURGY OF THE PEOPLES OF SIBERIA AND YAKUTIA
AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (BY THE EXAMPLE OF PLAYS ABOUT WOMEN'S FATES)**

Mainagasheva Nina Semenovna, Ph. D. in Philology
Khakass Research Institute of Language, Literature and History
Nina_71@inbox.ru

Semenova Valentina Grigor'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
semenova_yki@mail.ru

The article examines the specificity of literary representation of the elements of ethnography, folklore in the dramaturgy of the peoples of Siberia and Yakutia at the beginning of the XX century. The process of creative mastering of poetics and esthetics of native folklore by national playwrights is analyzed. One of the motives about women's fates in plays is more thoroughly examined – the motive of marriage (ravishment, buying of a bride), which plays a significant role in the poetics of drama of the peoples of Siberia and Yakutia.

Key words and phrases: the Yakut, Buryat, Tuvinian and Khakass dramaturgy; ritual-folklore sources; plot; conflict; the system of characters; typological coincidences; A. Sophronov; V. Kok-ool; A. Topanov; M. Kokov; N. Baldano.

УДК 821.111

Статья раскрывает новое художественное видение времени в пейзажах «Путевых писем» Мэри Монтэгю. В них категория времени связана со всеми изображаемыми объектами, в том числе руинами. Готическое искусство перестали оценивать мерками греческого искусства, открыв в первом свои преимущества и ценности. Наиболее очевидно движение времени в городских пейзажах, где Монтэгю находит зримое движение исторического времени, неотрывное от природы и объектов, созданных человеком.

Ключевые слова и фразы: время; готический вкус; городской пейзаж; след прошлого; историческое время; деятельность человека; руины.

Нагорнова Екатерина Валерьевна, к. филол. н.
Российский университет дружбы народов
katya-nagornova@yandex.ru

**ГОТИЧЕСКИЙ ВКУС И ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ
В ГОРОДСКИХ ПЕЙЗАЖАХ «ПУТЕВЫХ ПИСЕМ» М. МОНТЭГЮ**

Новый взгляд человека первой половины XVIII века на природу «пробудил чувство времени». Именно приметы и категории «циклических времён» (термин М. М. Бахтина, куда входят природное время, бытовое, сельско-трудовое и др.) способствовали раскрытию примет «исторического времени» (термин М. М. Бахтина [2]) как в природе, так и в жизни человека. У Монтэгю, стоявшей у истоков открытия чувства исторического времени в эпоху Просвещения, художественное видение исторического времени можно проследить в пейзажах произведений. В них категория времени связана со всеми изображаемыми объектами.

Наиболее очевидно движение времени в городских пейзажах. Это связано со всеми особенностями городского пейзажа у Монтэгю. В отличие от искусства классицизма, писательница отходит от использования симметрии и чёткого деления планов, что связано с понятием «готический», которое в первой половине XVIII века чаще всего означает «архаичный, странный, нескладный, иррегулярный». Эти оттенки понятия «готический» были выделены исследователем В. Холбруком [3, р. 499-500]. Словосочетание «готический вкус» чаще всего применялось к архитектуре, в основном во Франции. Его значение является противоположным «классическому вкусу», то есть античному, по правилам которого возводились «французские сады и парки». Эта традиция пришла из XVII века, из спора «древних и новых», подготовивших почву для полемики просветителей о превосходстве природы над искусством, разума над эмоциями. Словосочетание «готический вкус» встречается в памфлетах Леблана (1733), который попытался вывести формулу «готического

вкуса». В основу его он заложил понятия «свобода пространства» и «свет». В середине XVIII века их бытование стало повсеместным. Просветители начинают реабилитировать готическое наследие, как, например, Ж. Боффан (1741). По справедливому замечанию Холбрука, «некоторые готические церкви, хотя и всегда испорченные обилием неправильностей, безвкусной, дурносочинённой и плохо расположенной скульптуры, бестолково подобранными украшениями и баснословными чудовищами, не перестают от этого быть красивыми. От чего же ещё это может происходить, если не от правильного отношения высоты к ширине и пропорционального согласия всех частей с целым» [Ibidem, p. 400]. Холбрук отдаёт должное архитекторам и строителям за великую заботу, которую они проявили при возведении своих построек, ибо, несмотря на кажущуюся дерзость и непрочность, их здания долгое время продолжают стоять.

Готическое искусство перестали мерить мерками греческого искусства, открыв в первом свои преимущества и ценности. Такими предстали городские постройки большинства городов для М. Монтэгю. Ими наполняется городская пейзаж, в котором нет чёткой композиции, преобладают переходы, наслоения, непропорциональность.

В городском архитектурном пейзаже вслед за природными объектами постепенно вводятся приметы исторического времени. Приметы – это следы деятельности человеческих рук и ума, преобразовавших природу, и обратное отражение деятельности человека и всего им созданного на нравы и воззрения. Между ними существует непростая пространственная смежность. За всем многообразием окружающего пейзажа Монтэгю видит разные эпохи развития, то есть объекты, предметы пространства приобретают для неё временной смысл, выступая приметами той или иной ступени развития. Монтэгю находит зримое движение исторического времени, неотрывное от природы и объектов, созданных человеком. Этот новый взгляд в философии XVIII века раньше всего нашёл отражение именно в творчестве Мэри Монтэгю.

Ярче всего об этом свидетельствуют именно городские пейзажи. В одном из писем [5, p. 395] Монтэгю заметила, что несколько десятков лет назад в этом городе случилось какое-то бедствие. Здесь почти не было садов, парков, а зелёные насаждения встречались редко, были ещё очень молодыми и не поднимались над крышами домов. И, как позже выяснилось, город действительно сильно пострадал и был разрушен во время военных действий. Если здания удалось к этому времени восстановить, то ускорить рост деревьев было не во власти человека. В такого рода пейзажах, прежде всего, присутствует *существенный* и *живой* след прошлого в настоящем. Таким следом, по мнению Монтэгю, являются именно образы деревьев и синонимичные им образы садов, парков, лесов, живописных долин. Всё, что раньше выступало в литературе только фоном, для Монтэгю оказывается вовлечённым в становление, историческое движение.

Во многих пейзажах Монтэгю изображает руины – живые образы-свидетели прошлого. На первый взгляд, может показаться, что они лишены всякой существенной связи с окружающим пространством и не влияют на него. Но для автора такие памятники истории, среди которых не только уже отслужившие свой век постройки, но и многочисленные сохранившиеся памятники архитектуры, также выступают *существенным* следом прошлого в настоящем. По её мнению, воздействие таких исторических объектов на человека велико. Прошлое, его приметы и следы должны быть творчески осмысленными, то есть быть востребованными в настоящем, влиять не только на него, но и на будущее. Город для Монтэгю – это слепок периода в истории.

Начиная с Мэри Монтэгю, другие путешественники, в основном уже второй половины XVIII века, откапались от дидактического настроя путешествий с целью открытия и познания нового, ранее не изведанного. Мир теперь представлял перед путешественником во всём своём многообразии, одна эпоха сменяла другую, являясь при этом фрагментом общей истории человечества. Географическое или топографическое «большое путешествие» превратилось в путешествие историческое, путешествие по истории архитектуры. Этому в немалой степени способствовали древние руины. По справедливому замечанию Р. Розенблюма, они возбуждали, с одной стороны, «ретроспективную ностальгию по утраченному, невосполненному прошлому», а с другой – «утопию будущего, которое сделает героическую попытку восстановить былую славу ради современной истории» [4, p. 112].

Точка зрения человека-творца и преобразователя, с одной стороны, и преданного поклонника античных традиций, – другой, определяет созерцание и понимание многих пейзажей у Монтэгю. Такие пейзажи освещены у неё человеческой деятельностью и историческими событиями, включены в историю человечества, вне которой он мёртв и непонятен, с ним нечего делать. Но, с другой стороны, и историческое событие, и отвлечённое воспоминание бесполезны, если не локализованы в определённом пространстве, не имеют органической связи с ним. Исключение составляют, пожалуй, лирические пейзажи.

В большинстве описаний М. Монтэгю пытается обуздать, укротить всякое фантазирование, выдумывание, мечтательное воспоминание, отвлечённое суждение и стремится быть предельно объективной. Но у неё это не всегда получается. Обилие деталей, предметов, исторических объектов помогают нарисовать полную картину увиденного. Часто именно они вызывают волну ассоциаций, наталкивают на размышление, философствование. Тогда воображение и фантазия Монтэгю вступают в борьбу с объективным осмотром пространства, история которого связана с событиями античных времен, Средних веков или эпохи Возрождения. Историческое время особенно ощутимо у Монтэгю в изображениях того земного пространства, которое связано с «местными культами» (термин М. М. Бахтина: точное обозначение того реального места, где произошло действие в литературном произведении, произведении живописи или графики, историческое событие [2]), известными из истории искусства, литературы, географии, истории. Обозревая подобные ландшафты, путешественница в письме к Аббату Конти из Туниса от 31 июля 1717 года («To Abbot of- [Abby Conti]», Tunis, July 31, O. S. [6]) вспоминает исторические факты, размышляет о том, как городские стены выглядели много веков назад и какие мысли и чувства рождались в умах великих предков.

Те места: города, горы, равнины, поля, – которые Монтэгу изобразила в письмах, станут для потомков такими же «культами», увековечившими уже её имя. Так, Джордж Гордон Байрон, обозревая те же самые ландшафты, вспоминает имя леди Монтэгу:

...гордые снега Олимпа, и военные фрегаты,
И рощи кипарисов, и дуга –
Я эти страны пел уже когда-то:
Они уже пленяли, не таю,
Пленительную Мэри Монтэгу [1, с. 447]...

Город является эстетическим, разумным началом. Именно в нём возможно прикоснуться к памятникам истории, войти в курс новейших открытий во всех областях науки и искусства, полностью удовлетворить потребность человека в общении и в благах цивилизации. Образ города хорош, как замечено в уже упомянутом письме аббату Конти из Туниса, и без наличия в нём живописных садов и парков: «Soon after day break I arrived at Tunis, a town fairly built of a very white stone, but quite without gardens» [5, p. 382] (Вскоре после восхода солнца я вернулась в Тунис, выстроенный из белого кирпича и приятный без вида садов). Но он только хорош. А по настоящему, по мнению героини, о чём мы можем судить из постоянного упоминания об этом в городских пейзажах и открытых ландшафтных зарисовках, её восхищение и восторг вызывают города, живописно утопающие в зелени огромных парков и садов, где культурно посаженные растения сосуществуют с дикорастущими, где белоснежная горизонтальная полоса крыш строений граничит с такой же полосой зелени деревьев, произрастающих на склонах. Всё это возвышается одно над другим, плавно переходит друг в друга и так идеально сосуществует, что это место кажется героине самым замечательным в мире. На фоне таких природных объектов, как примет циклического времени, Монтэгу раскрывает приметы исторического времени, переплетая их.

Так, деятельность человека, созданное им отражается в его нравах и воззрениях. Историческое время у Монтэгу оказывается в неотъемлемой связи с природой и созданными человеком продуктами.

Время и пространство в городских пейзажах М. Монтэгу сливаются в целое. Это не отвлечённый пейзаж, проникнутый настроением, чувством созерцающего. Это восстановление объективной картины настоящего, а если возможно, то и прошлого. Автор делает городской пейзаж «говорящим следом» движения истории, где каждый предмет или объект несёт в себе информацию о той эпохе, в которую он возник, а также о тех временных ступенях и эпохах, которые «прошли» мимо него, оставив свои характерные отметины.

Список литературы

1. **Байрон Дж. Г.** Избранные произведения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 2. Поэмы и трагедии; Кефалонский дневник. 816 с.
2. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. **Holbrook Wm. C.** The Adjective «Gothique» in the Eighteenth Century (1941) // *The English Gothic Novel: A Miscellany*: in 4 vol. / ed. with introductions and notes by Th. Meade Harwell. Salzburg: Institut für Anglistik und Amerikanistik, Universität Salzburg, 1986. Vol. 1: Contexts. 1160 p.
4. **Rosenblum R.** Transformations in Late Eighteenth Century Art. Prinseton, 1970. 338 p.
5. **The Letters & Works of Lady Mary Wortley Montagu**: in 2 v. / ed. by her Great-grandson, Lord Wharnccliffe. Third additions & corrections derived from the original manuscripts, illustrative notes & a new memoir by W. Moy Thomas. L.: Bickers & Son, 1861. V. I. 488 p.
6. **The Letters & Works of Lady Mary Wortley Montagu**: In 2 v. / ed. by her Great-grandson, Lord Wharnccliffe. Third additions & corrections derived from the original manuscripts, illustrative notes & a new memoir by W. Moy Thomas. L.: Bickers & Son, 1861. V. II. 512 p.

THE GOTHIC TASTE AND TIME SENSE IN THE URBAN LANDSCAPES OF M. MONTAGU'S "TRAVEL LETTERS"

Nagornova Ekaterina Valer'evna, Ph. D. in Philology
The Peoples' Friendship University of Russia
katya-nagornova@yandex.ru

In the article the new artistic vision of time in the landscapes of Mary Montagu's "Travel letters" is revealed. In them the category of time is connected with all the represented objects including the ruins. Gothic art stopped being evaluated by the yardstick of Greek art, when the advantages and values of the first one were discovered. The time movement in urban landscapes where Montagu found the visible movement of historical time, inseparable from the nature and objects created by a human, is the most obvious.

Key words and phrases: time; Gothic taste; cityscape; trail of the past; historical time; human activity; ruins.